

Наталья Смехова

3D мир Волкова

Путешествуя во времени

Наталья Смехова

**3D мир Волкова.
Путешествуя во времени**

«Издательские решения»

2015

Смехова Н. А.

3D мир Волкова. Путешествуя во времени / Н. А. Смехова —
«Издательские решения», 2015

Самый обыкновенный бухгалтер Волков узнает, что может путешествовать во времени. Это оказывается как нельзя кстати, ведь героя подозревают в убийстве, которое он не совершал. Волков отправляется в прошлое, чтобы найти настоящего убийцу. Заодно он хочет подкорректировать события так, чтобы его жена, погибшая в автокатастрофе, осталась жива. Но оказывается, что эксперимент вносит непоправимые изменения во всех, кто причастен к этой истории.

© Смехова Н. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава I. Краткая справка о Волкове	6
Глава II, в которой Волков встречает Апокалипсис	7
Глава III, в которой объявляется тревога	9
Глава IV, в которой Волков совершает преступление	10
Глава V, в которой Волков встречается с убитой	13
Глава VI, в которой Волков становится знаменитым	15
Глава VII, в которой Волков знакомится с тем, кого не существует	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

3D мир Волкова

Путешествуя во времени

Наталья Смехова

© Наталья Смехова, 2015

© George Nova, дизайн обложки, 2015

© Джоил Тинтджелер, фотографии, 2015

Редактор Ксения С.

Благодарности

Генри Коенджоро

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава I. Краткая справка о Волкове

Итак, Волков. Волков, как человек и как лицо должностное, служебное, был в высшей степени положительным. Во-первых, небритость. С какой-то стороны легкая небритость – это всегда положительно. Лоб у него был высокий, лицо приятное. Волосы... есть, и слава Богу. Что еще нужно для 40-летнего мужчины, который давно забросил спорт и семью, и даже иногда «закладывал». Сами знаете чего «закладывал». Ну не идеален, что сказать!

Но бабушку через дорогу – это всегда, пожалуйста! Бабушка у него была строго по описанию. Ровно в 7.15 он выходил из дома, тут-то она как раз и шла – бабушка Таисия Ивановна. А шла она, значит, на рынок. На рынке Таисия Ивановна продавала гвозди. Ничего необычного.

Идет себе бабушка в 7.15 на рынок, а тут, естественно, Волков, всегда вовремя, ну и чего не перевести через дорогу, спрашивается? Тем более, что Таисия Ивановна ходячая.

Работал Волков в полиции. Бухгалтером. Считал себе, складывал.

Волков был нормальный бухгалтер. Ничего особенного.

Но тут, вот уже несколько месяцев все вокруг обсуждал, что Волкова... как бы это сказать, похитили инопланетяне и вернули.

Эту новость смаковали во всем городе, приписывая все новые и новые подробности.

Таисия Ивановна даже перестала с Волковым улицу переходить. Может, другого бухгалтера нашла. Ну, или слегла, например. Не всегда же ей улицы переходить!

Итак, Волкова похитили. Сначала об этом знал только Волков. Вот как это было.

Глава II, в которой Волков встречает Апокалипсис

Волков осознал, что с ним произошло что-то из ряда вон выходящее, когда стоял в одном носке и рубашке наизнанку и жадно пил воду. Именно в этот момент он, можно сказать, окончательно очнулся. Не проснулся, а именно очнулся. Хотя со стороны казалось, что он только что спал.

Волкову приснилось следующее. Он бежит изо всех сил, его вот-вот догонят. Это был частый его сон. Но затем он, Волков, видит сам себя со стороны как бездыханное тело. Его оплакивают друзья, он слышит их разговоры, речи и то, что они говорят между собой. Кто-то спорит, кому достанется его квартира, должность. Кто-то стоит совершенно равнодушный перед его телом. Все это Волков видел своими глазами и ужасался. Ведь он искренно любил этих людей.

Затем Волков испытывает жгучий стыд и холод, когда в морге с него снимают одежду. Он так же слышал разговоры о себе. Две девушки, надевая на него новую рубашку и брюки, совершенно равнодушно обсуждали покойного – нужно ли стричь ногти, как укладывать волосы, брюки топорщатся.

Дальше Волков чувствовал, что дух его медленно возносится к небу, и там как будто находится в одной комнате с другими. В комнате есть окно, и он очень хочет вылететь это окно и быть свободным. Но тут же слышит разговоры о себе:

– Нет, ему еще нельзя. Его дух неокрепший.

– Ничего, посмотрим.

Волков смотрел в окно на зияющую пустоту космоса, на пугающую черноту. И в тот момент, когда он любовался небывалой красотой, его дух со свистом вернулся в тело. И в этот же самый миг Волков очнулся, в каком-то паническом состоянии натянул носок и рубашку наизнанку и стал жадно пить воду.

На часах было одиннадцать двадцать. Он опоздал на работу. Но это было совершенно неважно. Волков знал, как знает каждый человек, разницу между просто сном и явью во сне. Так вот, это была явь.

Волкову показалось, что сегодня или может быть, завтра или в какое-то ближайшее время он умрет. И эта явь была знаком, тем, что каждый человек предчувствует, как говорят, перед своим концом.

Волков не знал, за что хвататься. Руки тряслись. Он хватал брюки, но почему-то опять бросал их и пытался застегнуть рубашку. Затем снова совал ногу в брючину.

На работе отсутствие Волкова заметила только главный бухгалтер – коротко стриженная и округлая Елена Степанова.

Ей он эту странную историю и рассказал. Она его слушала, сложив губы уточкой, а правой рукой вычеркивала Волкова из списка на премию. Но за это ей воздастся еще. Бог все видит!

Глава III, в которой объявляется тревога

– Я, Лена, устал. Может сотрясение... Башка гудит, – жаловался Волков в тот день.
– Да откуда же у тебя сотрясение-то? – главный бухгалтер холодна, как настоящая леди.
– От работы, наверное. Устал, устал. Я в 2013 году отдыхал? Нет, Лена, не отдыхал. А в 2012 году? Тоже не отдыхал. Пора, наверное, и отдохнуть, в санаторий съездить, старый я.
– Ты еще пенсию попроси, Волков. Через полчаса жду квартальный отчет, посланник космоса, – усмехнулась Лена.

Так и остался Волков без отпуска. А жизнь шла своим чередом.

В это утро Волков как обычно открыл ключом рабочий кабинет, плюхнулся на свой стул, прокрутился пол оборота и включил чайник.

– Ах, черт, туфли! Туфельки! – вдруг заорало нечто прямо перед самым ухом.

В дверь влетела всклокоченная Елена Степановна – без макияжа, разрез на юбке спереди, а не сзади.

– Ту-у-у-уфли!!! – продолжала истерически орать Елена Степановна в телефон. Потом вдруг с размаху швырнула его на стол, закрыла лицо руками и рухнула в свое кожаное офисное кресло.

Воцарилась тишина.

Волков смотрел во все глаза на странное поведение Елены Степановны, на ее дрожащие массивные плечи и, к своему изумлению, услышал что-то похожее на всхлип.

– Лена... Елена Степановна, – начал Волков, – водички, Лена, а?

– Да отвянь ты со своей водичкой, Господи, Волков! – не поднимая головы, резко ответила главный бухгалтер.

– С мужем что-нибудь?

– Губернатор, – процедила сквозь зубы Елена Степановна. – Губернатор, Волков, прибывает! Понял? В 6.00 боевая тревога, понял?! А у меня туфли – во!

Елена Степановна вскинула вверх свою упитанную ножку, на которой красовались ярко-красные лакированные лодочки.

– Понял?! – взревела Елена Степановна и вновь закрыла лицо.

Волков понял. В прошлом году при дефиците бюджета Геннадий Степанович вместе с Еленой Степановной аккуратно порешили вычеркнуть из списка закупок самые маловажные вещи. И вычеркнули «туфли кожаные служебные 1 пара». Ну и прочего по мелочи. Этот хитрый план помог успешно отпраздновать корпоратив всему отделу.

Уж никак они не могли предположить, что губернатор заявится в этом году. И теперь за туфли кожаные служебные полагался строгий выговор с занесением в личное дело и даже, может быть, понижение в должности.

– Ну ладно тебе, Лен, – попытался успокоить главного бухгалтера Волков, – Пронесет, вот увидишь.

– Какой ты, Волков, балван! – рявкнула Елена Степановна.

Началась суета подготовки, наставления начальства, беготня опероуполномоченных, которые по настоятельной просьбе Геннадия Степановича бросились разыскивать у коллег туфельки служебные кожаные 38 размера.

– Ты, – рявкнул Геннадий Степанович, врываясь в бухгалтерию, – Как там тебя? Пришел, тьфу, Волков! Пулей одевайся, скачи за машиной, и вперед, в Елхи.

– Куда?! – не понял Волков

– В Елхи, – грозно повторил Геннадий Степанович, – нашли мы тебе туфли, Лена, нашли. В Елхах у коллеги твоей.

Глава IV, в которой Волков совершает преступление

Было начало сентября. Проливной дождь, духота, комары.

Волков спешил в гараж, завел свои «Жигули» и, включив радио, отправился в путь.

Ему встретился знак «остановка запрещена», затем «стоянка запрещена», а потом знак «осторожно, дикие животные». Знак был свежий, яркий. К приезду губернатора поставили.

– Ну да, – усмехнулся Волков, – дикие животные, как же!

В этих местах давно никаких диких животных не было, да и откуда им было взяться? Если только бродит какой-нибудь медведь, которому посчастливилось сбежать из зоопарка.

В момент, когда Волков размышлял о медведях, из кустов слева выпрыгнул лось.

«Откуда тут лось-то? У нас же никогда...» – пронеслось у Волкова в голове.

Волков резко дал по тормозам, выкрутил руль вправо и услышал жуткий скрип. Машина прокрутилась несколько раз, и ее понесло к обочине. Волков ожесточенно крутил руль в другую сторону, жал газ и тормоз, но ничего не действовало. Ему показалось, что на безлюдной дороге мелькнула фигура человека. «Эй, – закричал он. – Помогите!». Машина летела в кювет.

Очнувшись, Волков стал ощупывать руками вокруг себя – везде была пустота и темень. Где он?

«Ослеп, – пронеслось в голове. – Надо выбираться, выбираться. Почему ничего не чувствую? Ничего не чувствую. Боли нет. Неужели все? Это смерть?».

Он не знал, что за липкая жидкость у него на руках и ногах, глаза слезились от желания рассмотреть что-нибудь в темноте. Не было ничего, ни вокруг, ни позади, ни впереди. Ничего не болело.

«Это шок, поэтому не больно, – размышлял Волков, – боль скоро придет. Нужно ползти к дороге и просить помощь».

Сколько прошло времени после его этой мысли – он не знал. Он услышал знакомый голос где – то здесь, рядом.

– Ты что же это, Волков, нарушения всякие нарушаешь? – надменно вопрошал его сослуживец Колька.

– Колька? Это ты? Что это? – Волков медленно приходил в себя.

Все плыло перед глазами, он пытался сфокусировать взгляд. Постепенно он рассмотрел стул, на котором сидел, стол, стены, утыканные приказами и рабочими телефонами. Это был кабинет №411, который занимал следователь Колька, его приятеля по службе.

– Что со мной, Коля?

– Да вот именно, Волков что это? Тебя за туфельками посылали?

– Посылали.

– А чего ж ты не поехал?

– Как не поехал? Машина в кювет, лось бежал... Ох, башка раскалывается. Стой. А что это у меня с лицом?

Волков увидел свое отражение в зеркало позади Кольки. В том то и дело, что с лицом все было в полном порядке, как и в целом со всем остальным. Хотя, он Волков прекрасно помнил, в какую передрыгу попал.

– Не понял, – сказал он и подошел к зеркалу. – Это что, ничего не случилось что ли со мной? Ничего себе. Второе рождение почти, вот это повезло. Смотри, ни единой царапины.

Колька отошел к окну, с силой открыл форточку и закурил.

– Колька, а машина моя, машина целая?

– А чего ей делается, стоит.

– Как стоит? где?

– А где ты ее оставил, там и стоит. В гараже.

– Не понял? Как в гараже? Я сел в машину и поехал. В это как его, в Елхи! Там я должен был взять туфельки...

– Нет, Волков. Машину ты не заводил, мы проверили. Ты вышел отсюда, а дальше все. Ни тебя, ни туфелек. А нашли мы тебя, помнишь, где?

– Не помню, где?

– В квартире, Волков. В квартире Елагиной, убитой ножом в правый бок. И нож Елагиной валялся в раковине, а на нем твои отпечатки.

Волков покачнулся. Накатывала тошнота. Колька стоял у стены, курил и, прищуриваясь, внимательно следил за реакцией Волкова.

– А ты чего это, Колька, на меня так не смотришь? – разозлился Волков. – Ты что думаешь, я дурак, пошел и какую-то Елагину ни за что убил? Ты же знаешь меня!

– Знаю да не знаю. Что там за история с отпуском? Бухгалтерша раскололась, мол, ты ей говорил, голова у тебя не на месте, отпуск по состоянию здоровья просил.

– Просил. Но не... Не убивал я Елагину. Наверное.

Волков почувствовал пустоту. Что-то происходило в его жизни, и уже далеко-далеко оказался и его дом, и будильник на 6.25 и Таисия Ивановна, и вся остальная жизнь.

– Слушай, – вдруг сказал Волков, – я ехал по этому как его, в Елхи короче говоря, ехал. Там указатель новый – дикие животные, видел?

– Что за чушь, Волков, какие дикие животные, их у нас отродясь не было.

– Вот! И я так подумал, удивился, а тут навстречу мне лось из кустов, я по тормозам дал и скатился к обочине, а потом машина перевернулась, дальше всё, бессознанка.

– Ну, конечно, пошел заливать, – усмехнулся Колька, – смотрю, так хорошо перевернулся, что ни одной царапины не получил.

– Я сам удивляюсь, Коля, как так могло получиться! И машина моя не может быть целой. Не веришь мне? Посмотри, съезди, стоит знак! я же не придурок, или что ты думаешь, это я что ли?

– Ладно, – сказал, наконец, Колька, – ты иди пока, посиди, там, в камере. Может быть, чего и вспомнишь.

Волков сидел в камере и ждал. Потому что вспомнить он как раз ничего не мог.

Глава V, в которой Волков встречается с убитой

Волков перебирал в памяти: Шерлок Хомс, Эркюль Пуаро, Каменская, Колька. Все это были люди, которые занимались расследованиями громких и запутанных ситуаций. Как они это делали? Методы какие-то, дедукции.

Никаких методов Волков не знал, не помнил и вообще не обращал на это внимания. Вот бы сейчас, в камере хоть одну книгу про Шерлока Хомса почитать, может быть мозги бы зашевелились.

Вместо этого в голове всплывала зарплатная таблица: «Иванов не был на дежурстве 8 числа – пропуск, Костылев болеет, значит, определяем расчетный период за 24 месяца, а это значит, 730 дней... 730 дней помножить... помножить... черт, я же Елагину убил, какой тут расчетный период?! О чем я?!»

Мысли хаотично блуждали в голове Волкова.

«И все, расчетный период, делим начисленный заработок за расчетный период на 730, то есть 960 тысяч делим на 730, получается... Опять! Не то, не то», – нервничал Волков.

В их маленьком городе последнее убийство совершалось в 1943 году. В полдень 13 марта осмелевшая баба Нюра заколола оккупанта фашиста. Поэтому то, что произошло сейчас, возымело целую бурю последствий.

Утром дверь камеры заскрипела, Волков увидел бледное лицо Кольки с лихорадочно выпученными глазами.

– Давай, Волков, пошли, – сказал он.

– Куда?

– Поедем на квартиру Елагиной. Может, вспомнишь чего. Журналисты будут, – как будто даже обрадовался Колька.

Ехали недолго.

– Выходим, – подчеркнуто грубо рявкнул Колька.

Рядом с ним, на шпильках бодро вышагивала журналистка.

– Здравствуйте, гражданин убийца, – поприветствовала она Волкова и протянула руку, – Я – Олеся из «Рабочей Правды».

– Не убийца я, – буркнул Волков.

– А, ну да, – улыбнулась Олеся, – а вы знаете, я вот тут вопросы набросала, пока идем, давайте я вам спрашиваю, хорошо? Вот, например, чем же Вам помещала убиенная? Скверная баба была, да? Все говорят. Ой, простите, сейчас диктофон включу. Так вот, скверная она была что ли? Раздражала Вас?

– Да не раздражала она меня, я ее вообще не знал, – оправдывался Волков.

– А, ну это такая метафора, понятно. То есть, знать ее не хотели. От любви до ненависти как говорится, один шаг.

– Какой еще любви? Что вы там несете? – удивился Волков.

– Как? Убийство на почве ревности, ясно же. У Елагиной же сосед тоже любовником был... Ой! Ну вы, извините меня, наверное лишнего наболтала. Сейчас расстроитесь еще. Ну не так уж она его и любила, можно сказать!

– Да мне нет дела до ее любовников, – отмахивался Волков и пытался собраться с мыслями.

Он все думал. Вот этот дом, желтый, старый. Строился военнопленными немцами. Двухэтажный старый дом. Космодемьянской, 7. Помнит ли он этот дом? Может ли быть такое, что никаких тувелек вовсе не было, а он взял и пошел вот сюда?

– Скажите, а это правда, что вы за ней еще в школе ухаживали? Цветы носили? – не унималась корреспондентка.

– Я?!

– Ну да, ваша одноклассница поделилась. Терентьева, помните такую?

– Таня? – удивился Волков. Причем тут Таня Терентьева? Девочка, которая списывала у него химию в 9 классе?

– Ну да, Таня. Говорит, вы всегда были такой рассеянный, пенал могли в классе оставить, а в нем записка, люблю, обожаю, цветы кому-то в школе все время приносили.

Корреспондентка продолжала щебетать. А Волков думал. Подъезд. Стены исписаны «Коля + Маша». Нет, не помнит он этих стен. Квартира с деревянной дверью №41. Ничего этот номер ему не говорил. Не мог быть он это, не мог. Мир сошел с ума. И, собственно, главное – кто вообще такая Елагина?

Колька легко толкнул дверь, и они вошли. В коридоре пахло чужой квартирой, старой мебелью и немного пылью.

«Кто же она такая», – думал Волков.

В комнате стоял старый советский диван, кресло, почерканный коричневый столик, на нем телефон, перевернутый стакан, блокнот и ручка. В другом углу импортный телевизор и сервант.

– Ну что, вспоминаешь? – безучастно спросил Колька.

Волков подошел к серванту. В вазочке лежала фотография 3х4.

– Это кто? – спросил Волков.

– Известно кто, – бросил через плечо Колька, – Елагина.

– Как?!! – вскрикнула корреспондентка. – Вот черт! Вся версия рушится!

Олеся всплеснула руками, Волков успел заметить, что от обиды у нее раскраснелся нос.

С фотографии 3*4 на них смотрела старая женщина восьмидесяти годов от роду, с большой бородавкой над верхней губой. И Волков ее не знал.

Глава VI, в которой Волков становится знаменитым

Уже в камере, наблюдая за мухой, он услышал через маленькое окошко, как двое полицейских, вышедших покурить, смакуют эту историю.

– Так вот! Я тебе говорю, в деньгах дело было. Этот пришелец из космоса, он же в отпуск собирался, денег просил у бухгалтерши нашей, а она ему – бац! – и отказала, еще и премии лишила. Вот он старуху то и зарезал.

– Погоди, как так? Я читал, не зарезал он ее. Сегодня утром газету купил, там значит на всю страницу фото этого изверга и наше отделение.

– Вот, идиот, все отделение наше замарал.

– Ага. Так вот, не зарезал он ее, а отравил. Вроде как в школе любил он её неимоверно, хоть и старше она его была на 10 лет.

– Как на десять-то? Ей же 72, а Волкову, дай Бог, 40.

– Да ты не перебивай, может не 72 ей, просто за лицом не ухаживала. Так вот, любил он её, а она ему изменила. Так вот он со своими гуманоидами в голове и порешил ее, отравил, понял? Специальная какая-то отравка, самодельная.

– Да ну? – удивился тот. – А отраву-то где нашел?

– Ему одноклассница как будто в 9 классе ее подарила на уроке химии. Неправильно что-то смешала, ну и в шутку подарила. А он, гляди ж ты, 30 лет хранил, и на тебе! Зайди в дежурку, я уже ребятам газету отдал, пусть читают.

– Бухгалтерша наша раскололась. С башкой у него, говорит, не все в порядке было, всё говорит, инопланетян ждал со дня на день.

– Да... Так с виду-то и не скажешь. Ходит, да и ходит, молчун какой-то.

– Да чего не скажешь-то? Очень даже скажешь. Сразу он мне не понравился. Еще когда отпуск мне рассчитывал.

Волков дотянулся до окошка и заорал: «Придурки! Не я это тетку эту зарезал! Ясно?»

Двое собеседников шарахнулись в сторону.

– Говорю тебе, он – того, – шепнул один другому.

Они бросили свои бычки в урну и поспешно зашли в отделение.

Волков схватился за голову. «Вот так влип. Может это снится что ли? Как же такое может быть-то? В век этот клубок не распутать», – так думал Волков.

Мозги его отказывались пользоваться дедукцией и другими методами. Сердце бешено колотилось, и опять начала накатывать тошнота.

У него больше не оставалось сомнений – либо это сон, либо он правда, что называется, придурок. В любом из этих случаев ничего уже не страшно. Либо проснется, либо в психушку.

«Уже все равно, – думал Волков. – Совершенно все равно. Я даже не уверен, что было как-то по-другому. Может быть, все это был сон. Не было у меня ни „Жигулей“, ни зарплаты Костылева, и Иванов ничего не прогуливал. Просто ничего не было. А я – маньяк и сумасшедший».

С этими мыслями Волков заснул.

Проснулся он от того, что запахло вкусным, чем-то жаренным, домашним. Волков оторвал голову от жесткой лавки – на соседней скамейке сидел бородатый мужик и, причмокивая, уплетал пирожки. Вдруг мужик вздрогнул и воровато взглянул на Волкова.

– Мамка передала, – как будто оправдываясь, прошептал мужик, – Ты это... Хочешь?

И не говоря ни слова, он завязал пакет и перекинул его на лавку к Волкову.

– Вкусные, – боязливо улыбался мужик, – кушай. Я это. Нормальный. Ничего плохого тебе не желал, честно.

Волков удивленно смотрел на мужика и молчал.

– Ты это, – продолжал мужик, – все под Богом ходим, уже все равно сядешь, так сядешь. У нас в городе только одна решетка, на выезде, будешь один сидеть, больше убийц нету же. Последние деньки, можно сказать, с людьми общаешься... Так ты за что Елагину-то? – понизив голос, вновь боязливо спросил мужик.

Все бы ничего, может быть, Волков бы и стал сопротивляться, доказывать недалекому мужику, что не он это, и Елагину он не знал и прочее и прочее, но уж больно хотелось есть. Волков вспомнил, что от нервов или от забывчивости какой – то, все эти дни он как будто ничего и не ел. Поэтому он откинул все свои мысли, развязал пакет и начал есть. Пирожки приятно хрустывали.

– Домашние, – улыбнулся мужик.

Волков его не слушал. Пирожки были с картошкой, капустой, луком и яйцом и их было много.

– Да, убил, уколошил, – неожиданно для себя заревел Волков, после пирожков. – Уж и не знаю, что на меня нашло. Терпеть эту Елагину не мог.

Мужик вытаращил глаза и стал крестился.

– Да кто не без греха, – продолжал молоть языком Волков, – вот, ты, например, чего тут делаешь?

– Я то? – удивился мужик, – да я так, ограбил тут одну в трамвае, сумку стащил.

– И что теперь?

– А ясно что. Условный у меня был, а теперь сяду. Ну, я не жалуюсь. Поразмыслию, время есть. А там говорят, профессии научат. У меня же учиться некогда было, братья младшие, мать одна. А теперь есть время, ничего, выучусь, человеком стану.

– А какую профессию-то дают? – деловито осведомился Волков.

– Так это, швея, техник швейного цеха. А чо, нормальная профессия.

С Волковым происходили странные метаморфозы. Он чувствовал, что мужик как будто боится его, и ему это было приятно. Он уже не думал, он ли это убил эту Елагину, или не он.

Мысли его оборвал Костылев, тот самый, которому Волков все рассчитывал и рассчитывал больничный.

– Убил и жрет теперь, как ни в чем не бывало, – пробурчал Костылев, – Вставай давай, Пришелец, ишь расселся. К следователю пойдешь.

Волков вошел в кабинет следователя. Глаза у Кольки были красные и сам он весь какой-то помятый.

– Ты, Костыль, свободен, спасибо. Я тут уж как-нибудь сам, с убийцем этим, – махнул рукой Колька.

– Ну, ты смотри, он же у нас посланник космоса, еще призовет своих на помощь, – захотал Костылев, выходя.

Дверь закрылась. Колька взял стул и сел рядом. Волков учуял запах водки.

– Слушай, Волков. Вот хоть убей, не могу я тебя представить режущим Елагину, – шепотом начал Колька, – Не ты это. Не ты, и всё. А тут еще губернатор этот, и Геннадий наш как с ума сбрендил, за место держится, сволочь. Тут такое громкое дело, уже во всех газетах, первое убийство за полсотни лет, не считая того ДТП, конечно, ну наш Геннадий похвастаться решил и ляпнул, что мы, мол, уже его раскрыли, мол, нашему передовому отделу всего час

на это потребовался. Теперь они тебя как преступную единицу никуда не пустят. Хоть ты это ее кокнул, хоть не ты – задавят. А мне что делать, Волков? Знаю, что не ты. Хоть беги отсюда в неведомую глушь, – горько жаловался Колька.

– Так это я, – неожиданно рывкнул Волков, – я ее это самое... уколошил.

Глаза Кольки выпучились.

– Ну чего выпучился? – продолжал Волков. – Давно она мне не нравилась.

– Ты че несешь? – возмутился Колька, – Что за дешевые приколы?

– А ты меня тут не пугай, я жизнью пуганный, – язык Волкова сам нес что-то невероятное. Волков только и успевал удивляться, что он мелет, но остановиться уже не мог. – Она мне тыщу должна была, а что? Долг платежом красен.

– Ты че, Волков? – не понимал Колька – Мозги что ли тронулись? Ты ж не знал ее, Елагину эту?

– Как не знал, зна-а-ал, – нагло врал Волков, – говорю тебе, кокнул я ее.

Колька встал из-за стола, сначала неуверенно, а затем все быстрее и быстрее зашагал прочь из кабинета. Волков остался один и только и успел подумать: «ну и придурок, это что же я несу», но его язык изловчился и произнес: «Убиииил! Кокнул, говорю! Режичком пристегнул!»

Рано утром начальнику следственного изолятора поступил звонок.

– Из администрации, – сообщил дежурный, – мэр, кажется.

– Слушаю, – ответил начальник СИЗО.

– Вот у Вас, Иваныч, что там у вас делается? – неожиданно спросил мэр.

Начальник изолятора поперхнулся.

– У нас нормально все. Что тут. СИЗО как СИЗО, – недоумевал он.

– После такого дела губернатор к Вам первому поедет. И пресса штурмует. Понимаете? Как у вас содержатся подследственные? Как едят? Как спят?

– Едят по расписанию, спят по пятнадцать человек, уплотнение, краж много, – оправдывался Иваныч.

– Давайте так, пока здесь будет пресса, поселите этого Волкова где-нибудь получше, быт покажите, что едят нормально, что людьми хотят стать. А мы уж тут, в свою очередь...

Волков переезжал из одной коморки в другую. Временно. Впрочем, ему уже было все равно. По каким-то причинам его нынешние приятели, соседи и просто случайные люди отдавали ему свои посылки, запасные носки, курево.

Начальник СИЗО пожелал лично встретить такого гостя. Сказал, что на время заключения будет его другом, и по этому случаю даже готов приносить книги из домашней библиотеки.

Кормили Волкова хорошо.

Оставался только вопрос: что же все-таки с ним произошло?

В один из дней с визитом его посетил Иваныч, начальник СИЗО.

– Ну вот, Волков, вот и радостный день, очень радостный, – улыбался Иванович, вращая испуганными глазками. – Вот, поговорить хотел.

– Ну, присаживайся, Иваныч, – пригласил Волков.

– Вот тебе книга, как ты просил – Холмс. Ну так о чем я? Сегодня важный день, Волков. Гости у тебя будут. С первого канала! Ну, я про другие каналы не говорю – все тут. Ты уж не опозорь меня, ради Бога. Я человек старый, пенсия у меня маленькая... Скажи, хорошо ли тебя содержат? Кормят ли? Не бьют?

– Да вроде нормально все, Иваныч. Согласно штатному расписанию. Я маньяк – я сижу. Не жалуюсь, – ответил Волков.

– Ну, вот и хорошо, вот и хорошо, – похлопал его по плечу Иваныч.

Конференция в его камере прошла на редкость удачно. Со всех сторон к нему тянули свои микрофоны корреспонденты, отпихивая друг друга, а Волков с удовольствием рычал и выл, что он маньяк и сумасшедший, и уже со страхом думал, что ему кто-то не поверит.

Волков вошел в раж. Сам чувствовал, что переигрывает, но остановиться уже не мог, и наговорил такого!

– Я и не только Елагину-то грохнул, поняли? – ревел он. – Я вообще маньяк! Кто на меня не так посмотрит или слово какое метнет – я долго не раздумываю. К тому же память у меня фотографическая. Я могу человека раз увидеть и сразу запомнить. По моему блокнотику человек 45-то я точно сподобил. Убил, честное слово, убил. Ну они и сами виноватые. А ты что смотришь, ну? – грозно рявкнул он на худенького корреспондента РТР.

Интервью с маньяком Волковым показали по всем каналам. Сокамерники еще больше его зауважали. К нему даже стали приходить письма молоденьких девушек, которые хотели его дождаться и обещали счастливую жизнь.

Глава VII, в которой Волков знакомится с тем, кого не существует

На прогулке, когда Волков покурил в стороне, к нему подошли трое. Он понял – бить будут.

- Ну, здорово, что ли, – начал один из них.
- Да привет, а что?
- Слыхали мы, ты у нас местная звезда. Пришиб вроде кого-то.
- Пришиб.
- В общем, пахан наш – Егорыч – видеть тебя желает.
- Фотокарточку что ли передать? – не понял Волков.

Мужики загоготали.

– Егорыч тут главный, понял? А ты вроде как высываешься не по делу. Поговорить надо, – объяснили они.

- Где говорить-то?
- Егорыч сам к тебе придет.
- Жду не дожусь, – улыбнулся Волков.

Егорыч и впрямь сам нашел его. Это был сухой старик с водянистыми голубыми глазами и со шрамом на правой щеке. От него пахло спиртом. Он пришел к нему ночью в камеру, и как ни в чем не бывало, спокойно уселся поблизости.

- А чо, так можно что ли – разгуливать? – спросил спросонья Волков.
- Все можно, если вселенная тебе позволяет, – хрипло философствовал Егорыч.

Волков удивился еще раз.

«Философ», – понял он.

- Ты, Волков, как это так умудрился? Вляпался по самое не могу, – продолжал Егорыч.
- Ничего, профессию освою, может человеком стану, – вспомнил нужные слова Волков.
- Ты ведь Елагину не убивал.
- Откуда знаешь?! – подскочил Волков.
- Да потому что Елагина – моя жена. Ты зачем в это дело подвязался?
- Подставили меня. Я вообще ее не знал. А ты знаешь, кто ее убил?
- Знаю, – сказал он.

И в этот момент Волков вдруг почувствовал тошноту, голова стала кружиться, ему не хватало воздуха, он пытался прохрипеть «ну и кто он, кто он?!», – но не мог. Волков вцепился в руку Елагина и тут же потерял сознание.

Он опять очнулся в пустоте и темноте.

Волков не помнил, сколько прошло времени, наверное, много. Ему вдруг захотелось сделать шаг. Он шагнул, и что-то как будто оборвалось, он почувствовал, что летит куда-то вниз, летит, летит, летит, а между тем, и этой черной дыре нет ни начала, ни конца. От невероятной скорости Волков начал задыхаться, он почувствовал, как щеки оттягиваются вверх, и его лицо как будто расплющивается от ветра. Он хотел кричать, умолять, чтобы все это остановилось, но не мог и продолжал падать.

И вдруг он услышал голос Елены Степановны, который кричал «Черт, ту-у-у-у-фли! Туфффли!».

Еще секунда, и он вновь летит вниз, вновь пытается зацепиться за что-то руками, но руки и лицо режет острым лезвием ветер. Глаза слезились, из них ручьем лились слезы.

Наконец, все закончилось. Он услышал, как в темноте кто-то бормочет «М-м-м, м-м-м, м-м-м». Какой-то знакомый голос.

Волков пытался отдышаться, а голос продолжал " М-м-м, м-м-м, м-м-м».

– Кто здесь? – спросил Волков, но никто ему не ответил.

«М-м-м, м-м-м, м-м-м», – продолжал голос.

– Кажется, я знаю тебя, – догадался Волков. – Это же.. это же.. это же я сам!

«М-м-м, м-м-м, м-м-м» не стихало. Сквозь эти звуки можно было различить еще какой-то гул.

«Мотор, – догадался Волков, – это же я еду в машине. Я еду»

Волков пощупал темноту и с удивлением обнаружил, что находится в своей машине.

Он уже слышал все: звук машины, стремящейся на скорости 90 км/ч по проселочной дороге, музыку из радио и свое мычание в такт песне.

«Это я в тот день, – понял Волков, – сейчас начнется. Где-то здесь будет знак, а потом лось. Надо остановить его, себя, то есть. Сейчас начнется»

Зрение прояснялось, и Волков уже видел себя со стороны за рулем машины.

– Ты меня слышишь, эй! – позвал Волков себя. – Слышишь меня?

«Другой» Волков безмятежно вел машину.

– Эй! – кричал Волков своему призраку.

Тут призрак как будто услышал что-то. Он остановил машину, прислушался. Потом покачал головой, достал тряпку и стал протирать зеркала.

– Странно. Такого вроде бы не было, – вспоминал Волков.

В этот момент из леса выпрыгнул лось и побежал через дорогу. И вновь Волкову показалось, что в кустах стоит какой-то человек. Волков – призрак всего этого не видел. Он протер зеркала, закрыл дверь и нажал на газ.

– Ты видел? Видел? Там лось! И кто-то стоял, в кустах! Сейчас лось выбежит тебе на встречу! Э-э-эй! – кричал Волков.

Но призрак его не реагировал. Он спокойно слушал радио, и смотрел на дорогу.

Вот они проехали знак «Остановка запрещена», потом «Стоянка запрещена» и знак «Дикие животные». Волков – призрак усмехнулся.

– Что-то изменилось, – думал Волков. – Лось пробежал там, а не здесь. Из-за этой остановки, он, то есть я, кажется, не попал в аварию.

Ненастоящий Волков продолжал ехать. Неожиданно он остановил машину, закрыл ее на ключ и настоящий Волков услышал его шаги. Следом раздался лай собаки, а затем прозвучал разговор:

– Здесь живет гражданка Ситова?

– Да, я.

– Я от Геннадия Степановича по поводу туфель.

– А-а-а, вот, возьмите их.

– Спасибо, выручили, – как будто с улыбкой сказал ненастоящий Волков и поспешил к машине.

Настоящего Волкова в этот момент закружило, завертело, и снова давление воздуха, ветер, холод, нехватка кислорода. Очнулся он стоя у серой стены на улице. Вокруг него туда-сюда лениво сновали осужденные. Первый снег валил с неба хлопьями и сразу же таял на черной земле. Было холодно.

– Что же, что же это, – шептал Волков, – Как я тут оказался? Тронулся, что ли я. Видел себя? Егорыч. А где он? Нет его. Что он там про вселенную шептал? Что-то он хотел сказать... Что же?... Башка раскалывается. А, да! Он хотел сказать, кто убил его жену, и тут мне стало плохо.

Он подошел к двум стоящим в стороне парням.

– Привет, братва. А как мне Егорыча найти? – начал он.

Они посмотрели на него удивленно.

– Какого еще Егорыча?

– Ну, пахана тутошнего. Он тут главный.

– Не знаем такого. Отвали!

Волков развернулся и пошел напрямиком к охране.

– Иваныч нужен мне, срочное сообщение, – сказал Волков.

– Поздравляю, – грубовато ответил ему охранник. – Нет тут никакого Иваныча.

После прогулки его вместе со всеми отвели в жилой корпус, где стояло много двухъярусных коек.

– Это что это, переехал я? – не понял Волков.

Осужденные и охрана удивленно посмотрели на него.

– С чегой-то ты переехал, первоходка? – цыкнул на него старик, оттолкнув. – Давай, из себя придурка-то не изображай. То Иваныча ему какого-то подай, то еще чего.

Волков прислонился к стене. Другие его сокамерники уселись на свои койки и в ожидании чая болтали о том о сем.

– А я давно здесь? – вдруг нарушил молчание Волков.

– Этот баклан тронулся реально, – хихикнул кто-то.

– Да не, дуру гонит, – усомнился старик.

– Давно я здесь? – повторил свой вопрос Волков.

– Да год уже. Забыл что ли нас корешей своих родных? – загигикал худой долговязый парень лет двадцати.

– А за что меня посадили?

– За кражу видать! Мы тут все за кражу. По ходу в несознанку идет, ребята! По-любому думает, охрана услышит – отпустит, – засмеялся долговязый парень.

– То есть я не убивал Елагину? – спросил Волков.

– Кого?! Ты про такой беспредел-то лучше засохни, а то еще лет 20 будешь тут чалиться. У нас убийств в городе отродясь не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.